

**«Он пел поблеклый жизни цвет...»**

**(Пушкин о романтической «старости души»)**

Одной из примет формирующегося историзма с его идеей развития и изменения был интерес Пушкина и его современников к возрасту - возрастным стадиям, которые переживает человек, народ, литература. Психология и философия юности осмысливаются как время, когда складываются «необходимые устои для дальнейшего развития»: «У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманых намерений. Люди в такое время скитаются по свету и дух их блуждает. Эта пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов. Они тогда несутся без ясного повода, но не без пользы для грядущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы использовать, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и подчинение их зрелого возраста» (1, т. 1, с.324). Ср. письмо Пушкина Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов» (2, т.10, с.465).

Романтизм отождествляет себя с юностью литературы, а собственное мироощущение романтики определяют как «преждевременную старость души», подчеркивая его несоответствие своему юному возрасту. Отсюда – популярность жанра элегии, этого «ультраромантического рода поэзии» (3, т.7, с.150), с которого собственно и начинается развитие романтизма в

России. У романтиков элегия – прощание с молодостью и ее мечтами и верой. Ср. ироническая характеристика Ленского в «Евгении Онегине»: «Он пел поблеклый жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет». Вера едва ли не отождествляется с легковерием, свойственным молодости и неопытности. Зрелость понимают как отказ от обманов и самообманов юной души, перед которой обнажилось несовершенство мира: «Ты в наготе, друг милый, жизнь узрел; / Что в бездне сей таилось, все известно – / И для тебя уж здесь обмана нет» (В.А. Жуковский). Ср. рассуждение Онегина: «Глупо мне мешать его минутному блаженству; / И без меня пора придет; / Пускай покамест он живет / Да верит мира совершенству; / Простим горячке юных лет / И юный жар и юный бред» (2, ХУ).

В.А. Жуковский «первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь» (3, т.7, с.190). В «жалобах» Жуковского дисгармонии социума, «где все, мой друг, иль жертва, иль губитель» («А.И. Тургеневу, в ответ на его письмо»), где обречено на страдание каждое духовное существо, противопоставлена гармония природы и человеческой души. Элегия «Вечер» звучит как один величественно-прекрасный аккорд, в котором все сливается со всем: «Как слит с прохладною растений фимиам...». Душа человека с ее порывом к прекрасному и высокому способна гармонизировать и самое страдание («Утешенье в слезах»). Для Жуковского несовершенство мира – средство воспитания души: «Все в жизни к великому средство» («Теон и Эсхин»).

К.Н. Батюшков, «впервые в русской литературе создавший образ молодости» (4, с.399), видит в юности единственный период в жизни человека, когда возможно «забвенье сладостное» «голых истин»: «Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья», «Крылатые мечты не сыплют там цветы, / Где тусклый опытность светильник зажигает» («Мечта»). Молодость согласна жить прекрасной иллюзией, поэтической мечтой, которая «в мире дивный мир любимцу создает» («Послание И.М. Муравьеву-Апостолу»)

Представление о молодости как самом поэтичном и возвышенном возрастном периоде унаследует от Батюшкова Пушкин – с теми принципиальными коррективами, которые отличают его как от Батюшкова, так и от Жуковского. Для Пушкина юность – лучшее время жизни человека, когда душа не испорчена демоническим отрицанием и открыта прекрасному в мире. Исходная установка романтиков – неприятие внешнего мира, неверие в наличие в социуме Добра, Истины и Красоты – даже в период самого бурного увлечения романтизмом воспринимается Пушкиным как вторжение чужеродного начала в чистую душу, как субъективно-одностороннее представление о мире в сравнении с целостным мироощущением юности, при всей своей неискушенности, более объективно воспринимающей жизнь.

Тема стихотворения «Демон» (1823) – вторжение «демонического» в жизнь юной души, исполненной «возвышенных чувств, свободы, славы и любви». Посещение демона однозначно рисуется как первая встреча со злом, а «злбный гений» несет в себе типичные в народных верованиях черты дьявола, сатаны, духа зла и отрицания. Сатана (от греч. «противодействующий») – это существо, чуждое гармонии, побуждающее не к действию, а к противодействию. Именно дьявольское начало в душе соответственно народному сознанию побуждает людей к вражде, конфликтам, злу.

В написанном от третьего лица объяснении к «Демону» Пушкин так комментирует свой текст: «Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения и начертать в ... картине влияние его на нравственность нашего века?» (2, т.7, с.27). Для Пушкина – и это соответствует народной вере – сатана несет в себе разрушение всему, с чем соприкасается, но полностью лишен созидательного начала, которое закреплено за Богом-творцом.

Функции сатаны – сеять соблазн, искушение («Он провиденье искушал»), отравлять душу («Его язвительные речи / Вливали в душу хладный яд») неверием и насмешкой. Именно «клевета» на земной мир является главным преступлением дьявола перед небом («неистощимой клеветою Он провиденье искушал»), надо думать, неприкосновенным для сатанинских атак, но не могущим быть равнодушным к очернению того, что сотворено Всевышним.

Вопреки сложившейся к этому времени романтической традиции поэтизации зла в стихотворении поэтизируется не зло, исходящее от демона, а прекрасное в жизни, несмотря на дьявольское искушение, сохраняющей свою ценность для личности. Отношение демона к жизни определяется как «клевета», действие его речей на душу как «яд», сам он как «злобный». замечательно в строке «Он звал прекрасное мечтою» Пушкин разграничивает дьявольскую оценку и реальность прекрасного. Вопреки исходящему от демона соблазну тотального отрицания («И ничего во всей природе благословить он не хотел») поэт всем строем стихотворения убеждает, что в природе есть достойное благословения. В позднейшем стихотворении «Ангел» Пушкин заставляет и самого «духа отрицанья, духа сомненья» признать: «Не все я в себе ненавидал, / Не все я в мире презирал». Но тайным ужасом исполнены строчки, рисующие духа зла, - ужасом за душу, осененную тоской, от встречи с разлагающим воздействием негативизма. Поэтический такт не изменил поэту, оставившему читателя в тревожном недоумении: ответила ли чистая душа на ядовитые речи, удержался ли в ней «хладный яд».

Острее чем кто бы то ни было видя «несовершенство бытия» («Таврида», 1822), преодолеваемое только смертью («где все блистает нетленной славой и красой, где чистый пламень пожирает несовершенство бытия»), Пушкин и в поэтическом соотношении себя с «мирами иными» не перестает тянуться к несовершенному, но прекрасному земному миру («Ужели с ризой гробовой / Все чувства брошу я земные / И чужд мне будет мир земной?»). «Пережить

свои желанья», «разлюбить свои мечты» - так рисует поэт душевную катастрофу. Душа, в которой «одни страданья» - пуста, а жизнь бессмысленна и может быть только ожиданием конца. «Запоздалый лист», оставшийся один «на ветке обнаженной», поражен «поздним хладом». Это удвоенное «поздно» - знак человека обреченного, выпавшего из времени. В этой квинтэссенции трагизма замечательно то, что и здесь не развенчиваются мечты как ошибка или заблуждение. Напротив, именно человек, утративший желанья и мечты, представляется носителем одной лишь «сердечной пустоты». В пушкинской элегии оплакивается не несовершенство мира, а несовершенство собственной души, не способной сохранить идеальную высоту юношеских мечтаний.

Пушкин вступает на романтический путь, не бегая в своем мироощущении того тотального неприятия мира, которое является основополагающим признаком романтизма (и русского, более мягкого и терпимого варианта, а уж тем более западноевропейского, прежде всего английского, байронического). Хотя мотивы романтического разочарования, скептицизма, сомнения присутствуют в его творчестве, они сочетаются со столь же убедительно представленными мотивами приятия мира, наслаждения жизнью – не как у К.Н. Батюшкова поэтической иллюзией жизни, а реальной, земной жизнью: «Ты вновь со мною, наслажденье; / В душе утихло мрачных дум / Однообразное волненье» («Таврида»). И в романтический и в реалистический периоды творчества Пушкину свойственна способность восстанавливать душевное равновесие из «однообразного волненья» «мрачных дум», возрождаться, воскресать душою: «Воскресли чувства, ясен ум» («Таврида») или «...воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь» («Я помню чудное мгновенье»). Демонические настроения в большинстве своем представлены как заблуждение или чужеродное начало в мировосприятии («Я стал взирать его глазами», «Бывало в сладком ослеплень»). Никогда Пушкин не оценивал как ошибку высокую настроенность юной души на прекрасное, зато отказ от «души

прекрасных порывов» всегда отождествлялся у него с омертвлением души. Природный оптимизм или религиозное представление об унынии как тяжчайшем грехе – трудно сказать, какой фактор оказался решающим для поэта, «беспечной верой» неизменно рассеивающего «непонятный мрак» «отчаянья слепого». Великолепно сказала Р.В. Иезуитова: «Для Пушкина поэзия – это способность проникаться даром сочувствия ко всему сущему». Но исследователь противоречит самой себе, утверждая, что «обличение ...зла» является «одной из важных тем поэзии» Пушкина (5, с.242) и на этом основании противопоставляя Пушкина Жуковскому. «Обличение зла» предполагает «дар сочувствия» уже не ко всему сущему, а только к тому в сущем, что не является злом. Зло, по Пушкину, не менее нуждается в сочувствии, чем добро. Не на обличение, а на сострадание к падшим настроена пушкинская лира: «И милости к падшим призывал». Да, у Пушкина есть самооценки типа «у стола сатиры Разврат и злобу я казнил», «грозящий голос лиры неправду в ужас приводил» («В.Ф. Раевскому», 1822). Однако даются они в контексте строк «Не тем горжусь я...». Чем далее развивается дар Пушкина, тем более можно сказать, что для Пушкина, как и «для Жуковского, отдавшего немало сил защите жертв самодержавного произвола, подобная задача стоит за пределами искусства» (5, с. 242).

### **Литература**

1. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. / П.Я. Чаадаев. - М.: Наука, 1991.
2. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин - 4-е изд. Л.: Наука, 1977-1979.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В.Г. Белинский. - М., 1953.
4. Верховский. Н.П. История русской литературы / Н.П. Верховский. - Т.5. -Ч.11. - М.;Л., 1941.
5. Жуковский и русская литература. - Л.: Наука, 1987.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ